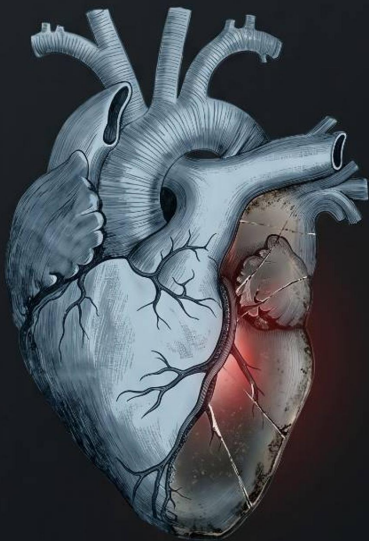

НЕ ТО ЧТО КАЖЕТСЯ

две повести

СЕРГЕЙ КРАСНОВ

Сергей Краснов

Не то, что кажется

<https://litres.ru/74103983>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если ты всю жизнь принимал любовь за инфаркт, а страх за грипп?

Две повести о людях, которые перепутали диагноз собственной жизни. И едва не заплатили за ошибку всем.

Газлайтинг, манипуляции, абьюз и тонкая, почти медицинская точность в описании того, как нас ломают «из любви». Две истории о том, что мы редко видим то, что прямо перед нами. Особенно — в себе.

Эта книга — для тех, кто:

- узнал себя в токсичных отношениях, или боится узнать;

#- любит психологические триллеры с финалом, от которого холодеет спина;

- ценит умную прозу, которая бьёт точно в нерв;

- не может оторваться, пока не дочитает последнюю строчку

Не то, что кажется. Откройте и проверьте, насколько хорошо вы знаете собственное сердце.

Содержание

Дифференциальный диагноз	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Краснов

Не то, что кажется

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ

Дифференциальный диагноз

* * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Симптом

Лев Борисович Гользин впервые заподозрил у себя инфаркт во вторник, в 14:47, в очереди за капучино.

Он зафиксировал время — он всегда фиксировал время, это была профессиональная привычка, въевшаяся за двадцать два года в операционной, где «когда» иногда важнее, чем «что». 14:47. Грудная клетка сжалась. Больно не было — это он отметил сразу, с холодной точностью, — грудь сдавило, как будто кто-то медленно затягивал ремень вокруг рёбер, на одно деление, потом ещё на одно. Левая рука осталась нормальной. Челюсть не отдавала. Холодного пота не было.

«Не инфаркт», — заключил он с лёгким, почти разочарованием. Инфаркт был бы понятен. Он знал что с ним делать.

Затем он поднял глаза и увидел, что давление в грудной клетке усиливается ровно в тот момент, когда девушка за стойкой — новая, он её раньше не видел — поворачивается к нему и спрашивает:

— Вам как обычно?

Откуда она знает его «как обычно»? Он здесь второй раз в жизни. Он зашёл в эту кофейню напротив клиники только потому, что в той, в которую он ходит обычно сломалась кофемашина, о чём, собственно, висело объявление, написан-

ное от руки, с орфографической ошибкой в слове «извините» (через «е»), и эта ошибка задержала его на лишние четыре секунды, ровно настолько, чтобы он опоздал к своему обычному автобусу и зашёл сюда.

— У меня нет обычного, — сказал Лев Борисович. — Я здесь второй раз.

— Капучино, средний, две трети молока, корицу не надо, — сказала она, уже включая машину. — В прошлый четверг. Вы ещё спросили, почему у нас сахар в пакетиках, а не в сахарнице.

Грудная клетка сжалась сильнее. На два деления сразу.

Лев Борисович был человеком исключительного ума и такой же исключительной эмоциональной безграмотности — сочетание, которое в его профессии не только не мешало, но считалось достоинством. Он оперировал сердца. Чужие. В буквальном смысле он держал в ладонях орган, который вся поэзия мира назначила вместилищем любви, тоски, нежности, — держал, шил, латал, и не видел в нём ничего, кроме насоса. Хорошего, сложного, четырёхкамерного насоса с электрической проводкой. Поэты ошибались, считал он. Сердце ничего не чувствует. Сердце качает кровь. Чувства — где-то в другом месте, и где именно, его никогда особенно и не интересовало.

— Спасибо, — сказал он, забирая стакан. И добавил, потому что давление в груди требовало объяснения, а он не терпел необъяснённого: — У вас хорошая память.

— Профессиональное, — сказала она. — Я раньше работала в неврологии. Медсестрой. Там надо помнить, кому какое лекарство и в каком часу, иначе человек умрёт. Привычка осталась.

— Где?

— Что — где?

— В какой неврологии.

— А вы кто, проверяющий? — Она прищурилась, но не зло, а с любопытством. — Третья городская. Отделение неврологии. Уволилась полгода назад.

— Я из Второй кардиохирургической, — сказал Лев Борисович. — Через дорогу.

— Знаю, — сказала она. — У вас на бейдж написано. «Гользин Л. Б., заведующий».

Он опустил глаза. Бейдж действительно был на нём — он забыл снять его, выходя, что случалось с ним крайне редко, потому что снимать бейдж входило в его выходной ритуал, такой же неукоснительный, как мытьё рук перед операцией. Сегодня ритуал дал сбой.

Он посмотрел на её бейдж. «Майя».

— До свидания, Майя, — сказал он.

— До свидания, Гользин Л. Б.

И он вышел, неся капучино и сжатую грудную клетку, и думал по дороге, что надо бы сделать ЭКГ.

ЭКГ он сделал в тот же вечер, в клинике, сам себе, после смены. Прицепил электроды, запустил аппарат, посмотрел на ленту.

Синусовый ритм, 72 удара. Идеально. Сердце сорокасемилетнего мужчины, который не курил, не пил сверх меры, бегал по утрам и регулярно проверялся. Образцовый насос.

— Странно, — сказал Лев Борисович вслух, в пустой кабинет.

Грудную клетку все сжимало. Он это чувствовал. Ощущение было реальным, как реальна температура или голод. Но, прибор не находил причины. А Лев Борисович верил приборам больше, чем себе. Себе он, в каком-то смысле, не верил вовсе — точнее, у него не было привычки прислушиваться к себе как к источнику информации. Информация поступала снаружи: из анализов, из снимков, из мониторов. Внутри был он, Лев Борисович, оператор, который обрабатывает внешнюю информацию. А что там, внутри самого оператора, — это ведь не данные. Это фон

И вот вдруг, фон стал громким.

Он завёл файл. Настоящий файл, в ноутбуке, как заводил на сложных пациентах. Назвал нейтрально: «Состояние». Записал:

Вторник, 14:47. Сдавление в грудной клетке. Не ишемия¹ (ЭКГ норма). Не паника (нет тахикардии, нет страха). Провокатор:?

Он любил вопросительные знаки, поставленные в нужном месте. Хороший вопрос — это половина диагноза. Что было провокатором? Может кофе? Он пил кофе двадцать лет, кофе не провоцировал. Очередь? Он не нервничал в очередях, он использовал их для обдумывания операций. Запах? В кофейне пахло кофе и ванилью. Аллергия на ваниль? Маловероятно, но не исключено. Он записал: аллергия (ваниль?) — проверить.

Так начался самый длинный дифференциальный диагноз в его жизни. Дифференциальный диагноз — это когда у тебя есть симптом и список болезней, которые могут его вызывать, и ты методично, одну за другой, исключаешь неподходящие, пока не останется одна, истинная. Лев Борисович был виртуозом дифдиагноза. Коллеги звали его, когда не могли понять, что с пациентом, и он приходил, смотрел, задавал три вопроса и называл болезнь, и почти всегда оказывался прав.

Он не догадывался, что его диагноз не входит ни в один медицинский справочник, и что он будет исключать всё подряд — аллергию, рефлюкс, межрёберную невралгию, пани-

---

¹ Недостаточное снабжение ткани (здесь — сердечной мышцы) кровью и кислородом из-за сужения или закупорки сосудов.

ческое расстройство, даже редкий феохромоцитом², — всё, кроме единственно верного, потому что единственно верный диагноз он не способен был распознать. У него не было для него органа. Как дальтоник не видит красного — не потому что глуп, а потому что нет колбочек, — так и Лев Борисович не видел чувств. Они проходили сквозь него, оставляя соматический след³, и он добросовестно изучал след, не понимая, кто его оставил.

Это называется алекситимия. От греческого: «а» — нет, «лексис» — слово, «тимос» — чувство. Нет слов для чувств. Человек чувствует — но не знает, что чувствует. Эмоция есть, а имени у неё нет, и потому она является в гости в виде телесного симптома, как непрощеный родственник, забывший представиться.

Лев Борисович знал термин. Он читал про алекситимию — в контексте, кажется, психосоматики⁴, мельком. Он просто никогда не примерял его на себя. Зачем? Он же прекрасно функционировал. Он управлял отделением на восемьдесят коек, оперировал, читал лекции, имел квартиру, машину, репутацию и даже абонемент в фитнес-клуб. Что у такого

---

² Редкая опухоль надпочечника, которая выбрасывает в кровь адреналин и подобные гормоны, вызывая приступы сердцебиения, потливости и подъёма давления.

³ Телесный, относящийся к телу (от греч. soma — тело), в противоположность психическому, душевному.

⁴ Раздел медицины, изучающий влияние душевных переживаний на возникновение и течение телесных болезней.

человека может быть не так с чувствами? Чувства — это для тех, у кого больше ничего нет.

Нет, Лев Борисович не был холодным. Это важно. Холодный человек чувствует и подавляет. А Лев Борисович не подавлял — ему нечего было подавлять, в том смысле, что до подавления дело просто не доходило: чувство возникало и сразу переводилось в другой регистр, в телесный или в логический, минуя стадию осознания. Он злился — и у него поднималось давление, и он принимал таблетку от давления. Он грустил — и у него пропадал аппетит, и он думал, что отравился. Он радовался — крайне редко — и у него тепло в животе, и он списывал это на хороший обед.

Его бывшая жена, Ирина, ушла от него двенадцать лет назад с формулировкой, которую он запомнил дословно, потому что не понял:

— С тобой как с очень умным холодильником. Всё работает, всё на месте, лампочка горит. Но внутри минус восемнадцать.

— Холодильник нужная вещь, — ответил он тогда, искренне не понимая, в чём упрёк.

— Вот именно, — сказала Ирина и заплакала, а он смотрел на её слёзы и анализировал: слёзная жидкость, носослёзный канал, рефлекторное либо эмоциональное слезотечение, в данном случае, судя по контексту, эмоциональное. Он понимал, ЧТО она чувствует — теоретически, как понимают чужой язык по словарю. Но не понимал, что чувствует

сам. И, главное, не понимал, что тут есть разница, что у нормальных людей это одно и то же — понять чужое чувство и почувствовать своё, а у него это были две разные операции, и вторую он выполнять совершенно не умел.

После развода он не страдал. То есть, как он теперь понимал, страдал, конечно, — но в виде бессонницы, которую лечил мелатонином⁵, и в виде болей в спине, которые лечил массажем, и в виде странной тяжести по воскресеньям, которую не лечил никак, потому что не считал симптомом. Воскресная тяжесть просто была. Как погода. Он привык.

Двенадцать лет он прожил в идеальном одиночестве идеально функционирующего человека. У него были коллеги, которых он уважал, и пациенты, которых он спасал, и расписание, в котором каждый час был занят чем-то осмысленным. Ему было хорошо. По крайней мере, он так считал — а у кого ещё спрашивать, как не у себя, и если он считал, что ему хорошо, то кто бы мог его опровергнуть? Никто. Кроме грудной клетки, которая теперь сжималась, и которую он завёл в файл под именем «Состояние».

Стоит привести пример того, как он работал с людьми, чтобы стало ясно, какого масштаба была его слепота, — слепота, которая в любви оказалась скорее смешной, а в профессии много лет оставалась незаметно жестокой.

К нему однажды пришла пациентка — пожилая женщина,

---

⁵ Гормон, регулирующий сон; его препараты применяют при бессоннице и нарушениях суточного ритма.

направленная с подозрением на стенокардию. Лев Борисович обследовал её безупречно: нагрузочные пробы, эхо, холтер⁶. Сердце было относительно здоровым для её возраста. Боли — были. Реальные, она не симулировала, он это видел. Но коронары чистые⁷.

— У вас нет стенокардии, — сказал он ей. — Сердце в порядке. Боли неишемические.

— А отчего же болит, доктор? — спросила женщина.

— Не по моей части, — сказал Лев Борисович и выписал ей направление к терапевту. Логически — все безупречно. Его дело — исключить кардиальную причину. Исключил. Дальше не его дело.

Женщина ушла, и он забыл о ней через минуту, потому что она была закрытым случаем, решённой задачей.

А Майя, годы спустя, услышав эту историю в числе прочих, поинтересовалась у него:

— А вы спросили её, что у неё в жизни? Отчего могла бы болеть грудь, если не сердце?

— Зачем? — удивился Лев Борисович. — Это не моя специальность.

— У неё муж умер за месяц до этого, — сказала Майя. Она не знала этого наверняка, но угадала, и потом, по опи-

---

⁶ Методы обследования сердца: проба с физической нагрузкой (ЭКГ при усилии), эхокардиография (УЗИ сердца) и суточная запись ЭКГ по Холтеру.

⁷ Разговорное от «коронарные артерии» — сосуды, питающие кровью самую сердечную мышцу.

санию, оказалась права — Лев Борисович навёл справки и обомлел: муж пациентки действительно умер за пять недель до визита. — У неё болело сердце, доктор. В прямом смысле, который вы считаете переносным. Горе давит на грудь физически. Это называется «синдром разбитого сердца», такоцубо, у него даже код есть, кардиомиопатия от острого горя, вы это знаете лучше меня. А вы исключили ишемию и отправили её к терапевту, не спросив, что у неё с жизнью. Вы вылечили её коронары, которые были здоровы, и не заметили её разбитого сердца, которое было настоящей болезнью.

Лев Борисович тогда долго молчал. Потому что синдром такоцубо он знал прекрасно — острая сердечная недостаточность, спровоцированная сильнейшим эмоциональным потрясением, сердце буквально меняет форму от горя, становится похожим на японскую ловушку для осьминогов, отсюда, собственно, и название. Он знал болезнь, при которой сердце разбивается в буквальном, кардиологическом смысле. И всё равно не связал. Потому что для связи нужно было спросить человека про чувства, а спрашивать про чувства он не умел — ни у пациентов, ни у себя.

Сколько их прошло через его руки — людей с разбитыми сердцами, у которых он лечил просто насос...? Он не знал. Он не спрашивал. Он чинил гидравлику и не видел, что иногда поломка — в той части, которой по учебникам просто нет, а по жизни есть, и она называется тем самым словом, над которым он смеялся.

В среду он пошёл в ту же кофейню. Из научных соображений.

Он сформулировал гипотезу: если симптом аллергический (ваниль) или связан со средой кофейни, он повторится. Если симптом случаен — не повторится. Чистый эксперимент. Лев Борисович любил чистые эксперименты.

Майя была за стойкой.

— Гользин Л. Б., — сказала она вместо приветствия. — Капучино, средний, две трети молока, без корицы.

И грудная клетка...сжалась. Он зафиксировал - 14:51, — почти то же время, что вчера. Гипотеза о среде подтверждалась: симптом возникал в кофейне. Но Лев Борисович, человек строгий, понимал, что эксперимент нечист — переменных слишком много. Кофе, запах, помещение, девушка. Надо изолировать переменную.

— Скажите, — обратился он к Майе со всей серьёзностью научного работника, — у вас в напитках есть ваниль?

— В сиропах. Вам в капучино не кладут.

— А в воздухе? Ароматизаторы, свечи, диффузоры?

Майя посмотрела на него внимательно. У неё были серые глаза с тем особенным выражением, которое бывает у людей, много видевших чужую боль, — спокойное, без сентиментальности, но и без чёрствости. Глаза человека, который

знает, что проходит всякое, и поэтому ничего не боится.

— Вы аллергик? — спросила она.

— Я выясняю, — сказал Лев Борисович. — У меня появился симптом. Я устанавливаю провокатор.

— Какой симптом?

— Сдавление в грудной клетке. Загрудинное. Возникает здесь.

Майя оперлась локтями о стойку. Очереди не было — мёртвый час.

— У нас нет ванили в воздухе, — сказала она. — Никаких диффузоров, хозяин жмот. Так что это не ваниль.

— Тогда что? — спросил Лев Борисович, и в его голосе впервые за много лет прозвучала нота, которую он сам не распознал, а Майя распознала сразу, потому что работала в неврологии и видела, как взрослые сильные люди теряются, когда тело начинает говорить на языке, которого они не знают. Нота называлась «беспомощность».

— А когда именно сдавливает? — спросила Майя. — В какую секунду?

Лев Борисович был честен. Честность была его базовой настройкой — он не умел врать, потому что враньё требует понимания, что чувствует собеседник, а он этого не понимал, и потому говорил всегда правду, иногда чудовищную, чем прославился среди пациентов и их родственников.

— Когда вы поворачиваетесь ко мне, — сказал он. — И когда называете мой заказ по памяти.

Майя помолчала. Потом улыбнулась — не насмешливо, а как-то очень мягко, и от этой улыбки грудную клетку Льва Борисовича сдавило так, что он чуть не сел.

— Возьмите капучино, — сказала она. — За счёт заведения. И сходите всё-таки к кардиологу. На всякий случай.

— Я кардиохирург, — сказал он. — Я лучше любого кардиолога.

— Тогда, — сказала Майя, — вы в беде.

Он не понял, что она имела в виду. Он унёс эту фразу домой и крутил её весь вечер, как непонятный анализ. «Тогда вы в беде». Почему я в беде, если я лучше любого кардиолога? Логически это означало, что моя компетентность является фактором риска. В каких случаях компетентность — фактор риска? Когда болезнь не в той области, в которой ты компетентен. То есть Майя предполагала, что у меня болезнь не по кардиологии.

А по чему?

Он открыл файл «Состояние» и записал новую строчку:

Среда, 14:51. Симптом повторился. Не ваниль (отсутствует). Чёткий провокатор: М. поворачивается / называет заказ. Гипотеза: условный рефлекс? Аллергия на человека (?). пометка на полях: «вы в беде» — что имела в виду?

И, подумав, добавил вопрос, который для нормального человека был бы смешон, а для него был вершиной самонаблюдения, на которую он сумел вскарабкаться:

Может ли человек быть аллергеном?

В четверг он не пошёл в кофейню. Из принципа. Учёный не должен идти на поводу у симптома — учёный должен контролировать условия.

Он провёл день в клинике, оперировал — двойное аортокоронарное⁸ шунтирование, четыре часа, безусловно, — и заметил, что грудная клетка в операционной не сжимается совсем. Ноль. Это было важное наблюдение, и он, моя руки после операции, проговорил его вслух ассистенту, молодому Сенину:

— В операционной симптом отсутствует.

— Какой симптом, Лев Борисович? — спросил Сенин.

— Загрудинное сдавление. Беспокоит вторую неделю. В операционной — ноль. Вне операционной — есть.

— Может, вы тут просто в своей тарелке, — сказал Сенин, стягивая перчатки. — Дома стресс, на работе отдыхаете. У меня так же. Я на дежурстве спокойнее, чем в гостях у тётки.

Лев Борисович остановился с намыленными руками. Гипотеза Сенина была примитивной, но содержала зерно. Симптом контекстно-зависим. Он отсутствует там, где Лев Борисович контролирует ситуацию (операционная — территория абсолютного контроля), и присутствует там, где не

---

⁸ Операция, при которой в обход суженных коронарных артерий вшивают соудистые «мостики», восстанавливая кровоснабжение сердца.

контролирует. А где он не контролирует? В кофейне. Рядом с Майей.

— Сенин, — сказал он. — Что вызывает у человека потерю контроля?

— Алкоголь, — сказал Сенин. — Усталость. Сильные эмоции.

— Какие именно эмоции?

Сенин посмотрел на заведующего с лёгким недоумением. Вопрос был странный — как если бы хирург спросил, с какой стороны держат скальпель.

— Ну... страх. Гнев. Влюблённость, — сказал Сенин и почему-то засмеялся. — От влюблённости вообще крышу сносит, какой уж тут контроль.

— Влюблённость, — повторил Лев Борисович задумчиво, как повторяют название редкого синдрома. — Какие у неё симптомы?

Сенин засмеялся громче, решив, что заведующий шутит — заведующий шутил примерно раз в год, и каждая шутка входила в анналы отделения. Но Лев Борисович не шутил. Он спрашивал всерьёз. Он действительно не помнил симптоматику влюблённости, потому что в последний раз был влюблён, по его подсчётам, лет в двадцать, до медицинского, и с тех пор это состояние не возникало, а описаний он не запоминал — несущественная информация, в учебниках кардиохирургии её нет.

— Тахикардия, — стал перечислять Сенин, всё ещё улы-

баясь. — Потеря аппетита. Бессонница. Навязчивые мысли об объекте. Эйфория. Тревога в отсутствие объекта. Ну и это... — он показал на грудь, — сжимается тут. «Сердце ёкает», как говорят.

— Сердце не ёкает, — машинально поправил Лев Борисович. — Сердце не способно ёкать, у него нет для этого механизма. То, что в быту называют «ёкнуло сердце», — это экстрасистола⁹ или субъективное ощущение сдавления, связанное с...

Он осёкся.

Связанное с чем?

Он стоял у раковины, вода текла, и впервые за две недели в его безупречной логической машине образовался зазор, маленькая щель, в которую он заглянул — и отшатнулся. Потому что в щели было что-то, чего он не хотел видеть. Какое-то слово. Большое, неудобное, не помещающееся в файл «Состояние».

— Лев Борисович? — позвал Сенин. — Вода льётся.

— Да, — сказал Лев Борисович и закрыл кран. — Спасибо, Сенин. Вы свободны.

Он шёл домой пешком — он жил в двадцати минутах от клиники, и обычно эти двадцать минут посвящал обдумыванию завтрашних операций. Сегодня он обдумывал список Сенина. Тахикардия — нет, у меня нормальный пульс, я из-

---

⁹ Внеочередное сокращение сердца; часто ощущается как «толчок» или «замырение» в груди.

мерял. Потеря аппетита — он задумался и понял, что да, последнюю неделю он почти не ест, оставляет половину, думал, что отравился, даже пил уголь. Бессонница — он спит хуже, просыпается в четыре, лежит. Навязчивые мысли об объекте — он немедленно подумал о Майе, о том, как она поворачивается, и грудную клетку сжало, прямо тут, на улице Маяковского, на углу, и он остановился и записал в телефон: 21:10, ул. Маяковского, симптом при мысли об М.

Он остановился посреди улицы, и его обтекали прохожие, и моросил мелкий дождь, оседавший на пальто бисером, и Лев Борисович стоял и впервые в жизни проводил процедуру дифференциального диагноза, в котором одним из вариантов — пока ещё одним из многих, пока ещё под вопросом, пока ещё с тремя восклицательными знаками сомнения — значилось слово, которого он избегал.

Он отверг его. Слишком рано. Недостаточно данных. Нужно исключить органику.

«Завтра, — решил Лев Борисович, — полное обследование. Кровь, гормоны, КТ грудной клетки, гастроскопия. Исключу всё телесное. И тогда посмотрим, что останется».

Он забыл о старом правиле, которое было в медицине, но к себе он его не применил: когда исключишь всё невозможное, то, что останется, и будет правдой, какой бы невероятной она ни казалась. Правило приписывают Шерлоку Холмсу. Лев Борисович был во многом Холмсом — блестящий дедуктор, слепой к собственному сердцу. Холмс тоже, ес-

ли вдуматься, был алекситимиком. Великие диагносты часто ими бывают. Чтобы так ясно видеть других, удобно не видеть себя...

* * *

Обследование заняло три дня и обошлось ему в круглую сумму, хотя как сотрудник он мог сделать почти всё бесплатно — но он не хотел огласки, не хотел, чтобы коллеги знали, что заведующий кардиохирургией обследует сам себя по поводу неназываемого симптома. Он пошёл в частный центр, под своей фамилией, но там его никто не знал.

Результаты были оскорбительно прекрасны.

Кровь — идеальная. Гормоны щитовидной железы — в середине нормы. Кортизол¹⁰ — слегка повышен, но в пределах. Катехоламины — норма (он специально проверил, исключая феохромоцитому, ту самую редкую опухоль, что выбрасывает адреналин и даёт приступы; опухоли не было, к лёгкому его сожалению, потому что опухоль была бы диагнозом). КТ грудной клетки — чисто. Гастроскопия — небольшой рефлюкс, но он был всегда, он не объяснял загрудинное сдавление, привязанное к появлению конкретного человека.

Лев Борисович разложил все результаты на столе, как пасьянс, и смотрел на них... долго. Всё было исключено. Серд-

---

¹⁰ Гормон надпочечников, выделяющийся при стрессе; влияет на обмен веществ и давление.

це — здорово. Лёгкие — чисты. Желудок — почти в порядке. Гормоны — в норме. Аллергия (он сдал и на аллергены, включая ваниль) — отсутствует.

Оставалось невозможное.

Он взял чистый лист — он любил бумагу для серьёзных решений, экран был для черновиков — и написал сверху: «Исключено». И перечислил: ишемия, аритмия, ТЭЛА, рефлюкс, невралгия, аллергия, эндокринное, онкология, паническое расстройство (он прошёл и опросник, набрал мало баллов — он не паниковал, у него не было страха, только сдавление).

Под чертой он оставил пустое место для диагноза. И впервые за всю карьеру не смог его вписать.

Точнее — не смог заставить себя вписать. Потому что слово было. Сенин назвал его вслух, смеясь. Майя на него намекнула. Грудная клетка кричала о нём на языке давления. Все данные указывали на него. Но Лев Борисович не мог взять ручку и написать это слово на медицинском бланке, потому что оно не было медицинским, оно было из другого словаря, из того, которым он не пользовался, словаря Ирины с её холодильником, словаря поэтов, ошибавшихся насчёт сердца.

Он сидел над пустой строкой диагноза до часу ночи. Потом закрыл папку. И сделал то, что делал всегда, когда не мог решить задачу один: решил привлечь консультанта.

Только консультанта по этой части он не знал. В его запис-

ной книжке были кардиологи, анестезиологи, реаниматологи, сосудистые хирурги — лучшие в городе. Не было ни одного человека, к которому можно прийти и сказать: «У меня сжимается грудь, когда определённая женщина поворачивается ко мне, я исключил всю органику, помогите поставить диагноз».

То есть один человек был.

Та, что и являлась провокатором.

В этом была логическая загвоздка, достойная отдельного исследования: единственный доступный ему эксперт по симптому был источником симптома. Всё равно что просить аллерген диагностировать аллергию. Но Лев Борисович был эмпириком. Если эксперт доступен только один, нужно идти к нему... даже если он же и патоген.

В пятницу он пошёл в кофейню с папкой результатов под мышкой.

* * *

Очереди не было — он специально выбрал мёртвый час, 15:00, изучив за неделю наблюдений график загрузки кофейни (он составил график; он не мог поступить иначе). Майя протирала стойку. Увидев его с папкой, она приподняла бровь.

— Гользин Л. Б. С документами.

— Майя, — сказал Лев Борисович, кладя папку на стойку

с осторожностью, с какой кладут результат, меняющий прогноз. — Я провёл полное обследование. Хочу проконсультроваться. Вы работали в неврологии, вы поймёте терминологию.

— Я медсестра, а не врач.

— Хорошая медсестра понимает больше плохого врача, — сказал он, и это был, по его меркам, изысканный комплимент, на который он потратил, не сознавая того, изрядное количество душевных сил.

Майя посмотрела на него. Потом налила два капучино — себе и ему, — вышла из-за стойки и села за дальний столик.

— Садитесь, доктор. Показывайте.

Он сел и разложил результаты. Он объяснял обстоятельно, как объяснял бы консилиуму: вот ЭКГ, синусовый ритм; вот тропонины, отрицательные, ишемия исключена; вот КТ, лёгкие чисты, ТЭЛА исключена¹¹; вот гормоны; вот аллергопанель, ваниль отрицательная. Он вёл её по своему диагностическому пути, шаг за шагом, исключая болезнь за болезнью, и Майя слушала молча, держа чашку обеими руками, и грела об неё пальцы. Льва Борисовича при виде её греющихся пальцев сдавило, и он, не прерывая доклада, отметил вслух:

— Вот сейчас. Симптом. При взгляде на ваши руки. Зафиксировал: 15:08.

---

¹¹Тромбоэмболия лёгочной артерии — закупорка сосуда лёгких оторвавшимся тромбом; опасное состояние, дающее внезапную боль в груди и одышку.

Майя поставила чашку.

— Лев Борисович, — сказала она. — Можно я задам вам вопросы? Как в неврологии, когда собирают анамнез.

— Конечно. Анамнез — основа¹² диагноза.

— Вы спите?

— Плохо. Просыпаюсь в четыре.

— Едите?

— Мало. Думал, отравление. Пил уголь. Не помогло.

— Думаете о ком-то?

Лев Борисович помолчал. Честность была его установкой.

— О вас, — сказал он. — Непропорционально часто. Я анализировал: за прошлую неделю мысли о вас занимали, по моим оценкам, около тридцати процентов времени бодрствования, не связанного с операциями. В операционной — ноль. Вне операционной — тридцать. Это аномально. Я обычно думаю о пациентах и о научных задачах. Тридцать процентов на одного человека — статистический выброс.

Майя слушала с лицом всё более странным. На нём боролись смех и что-то нежное, и боролись не до конца понятно в чью пользу.

— Когда вы меня видите, — продолжила она, — что происходит с дыханием?

— Учащается, — сказал он, проверив. — Сейчас, например. И поверхностное.

---

¹² Сведения о жизни больного и истории его болезни, которые врач собирает при расспросе для постановки диагноза.

— А когда я улыбаюсь?

Она улыбнулась — нарочно, в порядке диагностической пробы.

Грудную клетку сдавило так, что Лев Борисович положил руку на грудь.

— Вот, — сказал он сипло. — Максимальная интенсивность. При улыбке. Майя, это важная находка. Провокатор — не среда кофейни. Провокатор — конкретно вы. Точнее, определённые ваши действия: поворот, улыбка, греющиеся руки, называние заказа по памяти. Я не понимаю механизма. Аллергия на человека невозможна — то есть бывает аллергия на чужой белок, но не дистантная, не на улыбку. Условный рефлекс? Но на что условный, если первый контакт уже вызвал реакцию? Майя, у меня нет диагноза. Впервые в жизни. Помогите.

И тут Майя сделала то, чего он не ожидал. Она накрыла его руку — ту, что лежала на груди, — своей ладонью. Тёплой, чуть влажной от чашки.

И сказала тихо:

— Лев Борисович. Миленский. У вас не инфаркт.

— Я знаю, тропонины...

— У вас не инфаркт, — повторила она. — У вас влюблённость.

Лев Борисович замолчал.

Слово было произнесено. Тем же словом, что назвал Сенин (смеясь), на которое намекала грудная клетка (давлени-

ем), которое он сам отверг как преждевременное. Теперь его произнёс эксперт — единственный доступный эксперт, она же патоген, — произнёс серьёзно, держа его руку.

Логика требовала принять диагноз: все исключения сделаны, осталось невозможное, невозможное и есть правда. Но что-то в нём сопротивлялось, какой-то последний бастион, последняя линия обороны человека, который двадцать лет прожил, считая, что у него нет той части, которая болеет такими болезнями.

— Это не входит в дифференциальный ряд, — сказал он наконец. — Влюблённость — не диагноз. Нет кода МКБ¹³.

— Есть, — сказала Майя. — Только его не ставят. F какой-нибудь. Расстройство, при котором человек теряет аппетит, сон и тридцать процентов мыслей. По всем критериям — болезнь. Просто приятная.

— Приятная? — Лев Борисович смотрел на её ладонь на своей руке. — Мне не приятно. Мне сдавливает грудь.

— Это и есть приятно, — сказала Майя. — Вы просто не умеете это так называть. Вы называете это сдавливанием. А люди называют это... — она подыскала слово, — замиранием. Когда замирает. Когда от человека замирает.

— Замирает, — повторил Лев Борисович, как повторял латинские термины. — Загрудинное замирание.

---

¹³ Международная классификация болезней — официальный перечень, где у каждого заболевания есть свой код. «F» — раздел психических и поведенческих расстройств.

Майя засмеялась — и от её смеха ему сдавило грудь, и теперь он не записал время, а просто положил вторую руку поверх её руки, накрыв её ладонь, и они сидели так — две его руки и одна её, — и Лев Борисович чувствовал, как замирает, и впервые не сопротивлялся слову, которое замиранию соответствовало.

Хотя и не верил в него до конца. Учёный в нём требовал воспроизводимости. Один сеанс — не доказательство. Нужна серия.

— Майя, — сказал он. — Чтобы подтвердить диагноз, нужна повторяемость. Согласны ли вы на серию... встреч? В исследовательских целях. Я буду фиксировать симптомы и проверю гипотезу влюблённости методом многократного наблюдения.

Майя посмотрела на этого сорокасемилетнего мужчину, заведующего кардиохирургией, светило, который только что предложил ей свидания, назвав их «серией встреч в исследовательских целях», и который держал её руку обеими своими, и у которого было лицо человека, заблудившегося в собственной груди.

— Согласна, — сказала она. — На серию. Только, доктор, у этого исследования есть побочный эффект.

— Какой?

— Привыкание, — сказала Майя. — Сильное. Лечится плохо.

— Я готов к рискам, — сказал Лев Борисович серьёзно.

— Я подпишу информированное согласие.

И Майя поняла, что пропала, потому что устоять перед мужчиной, который предлагает подписать информированное согласие на любовь, было совершенно невозможно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Серия встреч

Лев Борисович подошёл к свиданиям как к клиническому исследованию, и это, как ни странно, оказалось лучшее, что могло случиться, — потому что единственный язык, на котором он умел приближаться к жизни, был языком метода, и через метод он, окольно, неуклюже, начал приближаться к чувству.

Он завёл новый файл. Старый, «Состояние», он переименовал в «Состояние (архив)» и открыл новый: «Протокол М.». В шапке написал:

Цель: верификация диагноза «влюблённость» методом многократного контролируемого наблюдения. Объект: Майя [фамилию он узнал на третьей встрече — Соколова]. Метод: совместное времяпрепровождение с фиксацией симптоматики.

Первое свидание (он называл его «сеанс № 1») состоялось в субботу. Он повёл Майю в ресторан — хороший, дорогой, выбранный по рейтингу, — и весь вечер фиксировал симптомы в телефон под столом, думая, что делает это незаметно.

— Вы что там пишете? — спросила Майя на втором часу.

— Симптомы, — честно сказал Лев Борисович. — Хотите посмотреть?

Он протянул телефон. Майя прочитала:

19:30 — М. сняла пальто. Сдавливание 7/10.

19:45 — М. засмеялась над официантом. Сдавливание 8/10 + жар в области лица (прилив? субфебрилитет?).

20:10 — М. рассказала про деда. Сдавливание сменилось расширением (?). Новое ощущение, в анамнезе отсутствует. Тёплое. Локализация: верх живота / низ груди.».

20:30 — М. коснулась моей руки, передавая хлеб. Тахикардия, впервые. 96 уд/мин (измерил по часам).

Майя читала и смеялась, и Лев Борисович фиксировал: 20:42 — М. смеётся, читая мои записи. Сдавливание 9/10. Парадокс: неприятное ощущение при приятном стимуле. Требуется объяснения.

— Лев Борисович, — сказала Майя, отдавая телефон. — Вы понимаете, что вы ведёте дневник влюблённого, только в виде истории болезни?

— Я веду протокол наблюдения.

— Это одно и то же. Просто люди обычно пишут «у меня всё внутри ёкнуло, когда она засмеялась», а вы пишете «сдавливание 9/10». Содержание идентичное.

Лев Борисович задумался.

— Возможно, — сказал он. — Но моя запись точнее. «Ёкнуло» — это сколько по шкале? Непонятно. А 9/10 — воспроизводимо.

— А зачем вам воспроизводимость, — тихо спросила Майя, — в чувстве?

Лев Борисович не нашёл ответа. Он смотрел на неё — на серые глаза, на руки, гревшиеся теперь о бокал, — и в груди у него было сразу и сдавливание, и расширение и он не мог их разделить, не мог понять, как одновременно бывает тесно и просторно, больно и хорошо, и эта неразделимость пугала его больше любого симптома, потому что не поддавалась дифференцировке. А что не дифференцируется, того он боялся. Это была его главная фобия, если бы он умел распознавать фобии - неразличимость.

— Я не умею, — сказал он вдруг, и сам удивился, что сказал. — Майя. Я не умею это чувствовать, как чувство. У меня это всегда... тело. Или логика. Я знаю, что люди что-то ощущают вот тут, — он показал на грудь, — и называют это словами. Любовь. Тоска. Радость. Я знаю слова. Я знаю определения. Но у меня нет... — он искал термин и нашёл медицинский, — нет рецепторов. Я как человек без болевых рецепторов. Есть, такие люди, с врождённой анальгезией¹⁴. Они режутся, обжигаются и не знают, потому что не чувствуют боли, и потому погибают молодыми — боль защищает, а у них её нет. Вот я такой же, только наоборот. Я не чувствую не боль. Я не чувствую... всё остальное.

Это была самая длинная и самая личная речь, которую Лев Борисович произнёс за долгое время. Он сам испугался её длины. Майя смотрела на него уже без улыбки.

---

¹⁴ Редкое врождённое состояние, при котором человек не чувствует боли и поэтому легко получает опасные травмы.

— Это называется алекситимия, — сказала она тихо. — Я знаю. У нас в неврологии было несколько. После инсультов бывает, но бывает и просто так, характер. «Нет слов для чувств».

— Я знаю термин, — сказал Лев Борисович. — Я просто не думал, что это про меня. Я думал, я нормальный. Я отлично функционирую.

— Холодильник тоже отлично функционирует, — сказала Майя.

Лев Борисович вздрогнул. Слово в слово Ирина. Двенадцать лет назад.

— Моя жена говорила то же самое, — сказал он. — Бывшая. Слово в слово. Про холодильник.

— Значит, она была неглупая, — сказала Майя. — Просто не дождалась разморозки.

Надо рассказать про его вторую жизнь — про ту, где он был не влюблённым подопытным, а грозным Львом Борисовичем, заведующим, перед которым трепетало отделение.

Потому что параллельно с «Протоколом М.» в его жизни разворачивалась совсем другая история, и она тоже упиралась в его алекситимию, только с обратной, несмешной стороны.

Клиника была государственная, но при ней работал коммерческий центр, и Льва Борисовича полгода назад назначили не только заведующим, но и медицинским директором всего центра — то есть, по сути, топ-менеджером. Он управ-

лял бюджетами, кадрами, закупками. И управлял блестяще — потому что менеджмент, как и хирургия, как и дифдиагноз, был логической задачей, а логические задачи он решал лучше всех.

Но у менеджмента была часть, которую он не видел, как не видел собственных чувств: люди.

Он увольнял сотрудников с той же спокойной точностью, с какой резецировал поражённую ткань. Неэффективен — удалить. Он не понимал, почему после его увольнений отделение мрачнело, почему оставшиеся работали хуже, а не лучше, хотя он убрал слабых и оставил сильных, — по логике, эффективность должна была расти. Но она почему-то падала. Он этого совершенно не понимал, потому что не видел того, что видели все: что он увольнял людей, как вещи, не замечая, что за каждым тянутся нити к другим, страх, обида, чувство, что завтра уволят и тебя. Он оперировал коллектив без анестезии, искренне не понимая, что коллективу больно, потому что сам не знал, что такое больно в этом смысле.

Был такой случай. Медсестра, проработавшая в отделении тридцать лет, Антонина Павловна, начала ошибаться — возраст, руки дрожали. Лев Борисович вызвал её и сказал ровно, по делу:

— Антонина Павловна, вы трижды за месяц перепутали дозировку. Это недопустимо в кардиохирургии. Я вынужден вас перевести на нелечебную работу или предложить уйти. Правда нелечебной работы у нас нет...

Антонина Павловна заплакала. Тридцать лет. Она пришла сюда еще девочкой, она помнила это здание ещё до ремонта, она вырастила в этих стенах три поколения сестёр.

Лев Борисович смотрел на её слёзы и анализировал: слёзная жидкость, эмоциональное слезотечение, причина — увольнение. Он не чувствовал ничего. То есть — он был уверен, что не чувствует ничего. На самом деле у него в этот момент свело желудок, и он подумал, что зря съел салат в столовой, несвежий, наверное.

Антонина Павловна ушла. Отделение возненавидело Льва Борисовича ещё на одно деление. А он записал в рабочий файл: оптимизирована 1 штатная единица, экономия X в год. И принял омепразол.

Эту историю — про Антонину Павловну — он рассказал Майе на сеансе № 4. Не как исповедь — он не умел исповедоваться, — а как казус, любопытный случай управленческой логики. Он ожидал, что Майя оценит рациональность решения.

Майя долго молчала. Потом спросила:

— А что у вас было с желудком, когда она плакала?

Лев Борисович удивился точности вопроса.

— Свело, — сказал он. — Я думал, салат.

— Не, не салат, — сказала Майя. — Лев Борисович. У вас совесть в желудке. Вам было стыдно. Очень стыдно. Просто стыд пришёл к вам в виде спазма, а вы не открыли ему дверь, потому что не узнали в лицо. Вы выпили таблетку от соб-

ственной совести.

Лев Борисович сидел оглушённый. Он перебрал в памяти все случаи желудочных спазмов за двадцать лет — а их были сотни, — и обнаружил, накладывая их на события, страшную корреляцию: желудок сводило всегда, когда он поступал жёстко с человеком. Без исключений. Гастрит был картой его непрожитого стыда. Он лечил совесть антацидами. Он глушил мораль ингибиторами протонной помпы¹⁵

---

¹⁵ Группа препаратов (в их числе омепразол), подавляющих выделение желудочной кислоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.